

В. В. Измайлов

Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор

Повесть

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

OCR Бычков М. Н.

В прекрасное майское утро молодая сельская красавица стояла на берегу Москвы-реки у подошвы Воробьевых гор и с милою улыбкою глядела вслед за легким челночком, который, рассекая волны, удалялся далее и далее от берега. В челночке сидел старец, покрытый сединой, и правил сам веслами хотя слабою, но еще искусною рукою. Взоры его, к берегу обращенные, отвечали казалось, на улыбку красавицы, и безмолвное, но ясное выражение их чувства оживляло еще более всю природу и украшало еще более прелестную. Скоро лодка исчезла из виду, одни легкие бразды, проведенные веслами, являли следы ее взорам молодой поселянки. Она села на песчаном берегу реки и не переставала еще глядеть на ту сторону, где скрылся предмет, любезный для сердца; казалось, что веселые ангельские взоры ее ласкали и след милого старца, и кристалл светлой реки, где образ ее совершался, и все предметы в натуре, которыми она тихо восхищалась во глубине души своей, не предчувствуя, что сии предметы всего более украшались блеском ее прелестей. На сей раз не лицо, цветущее молодостью и красотою, не темно-русые волосы, развеваемые тихим зефиром, не стройный и легкий стан грации могли пленить в ней взоры и сердце чувствительного человека, но сладкий образ невинности, напечатленный во всех чертах ее, но милое выражение взора, полного любви и чувствительности; но счастливая улыбка на устах, которая показывала сердце покойное, ясное и не знакомое с бурями жизни человеческой.

Между тем как, устремив взоры на быстрые волны, она летела, казалось, за ними сердцем и душою, Мельтон, молодой знатный человек, прогуливаясь по скату Воробьевых гор, вполголоса пел пастушеский романс и неприметно приблизился к тому месту, где русская поселянка, может быть, прекраснее всех аркадских пастушек, милее всех Флориановых Эстелл, представляла картину, достойную кисти новых Теокрытов и Геснеров. Но явление простой крестьянки едва привлекло внимание городского жителя; едва он не прошел мимо, не удостоив ее и одного взгляда... увы! ему надлежало дорого заплатить за сие холодное презрение. В ту самую минуту, когда он быстрыми шагами пробежал мимо сельской красавицы, красавица оглянулась, и взор ее, подобно молнии, поразил гордого юношу, и движение ее, как талисман волшебный, удержало быстроту шагов его. Он остановился на одном месте, думал, как человек, изумленный внезапным небесным явлением, и наконец, после нескольких минут молчания, приблизился к незнакомке и сказал ей робким голосом:

-- Здравствуй, красавица!

При имени красавицы скромная стыдливая поселянка потупила глаза в землю; но встала, поклонилась и отвечала твердым голосом:

-- Здравствуй, насмешливый барин!

-- Я не смеюсь,-- повторил молодой человек,-- ты в самом деле прекрасна! Неужели ты этого не чувствуешь, не знаешь?

-- Я знаю только,-- отвечала поселянка без всякого притворства,-- работать днем в огороде, веселиться вечером в хороводах и любить всего более на свете моего милого батюшку и моего милого Филиппа.

-- Как, ты так молода и ты уже замужем?

-- Нет, сударь, я не замужем, но у меня есть жених, которого выбрал мне отец мой и которого после него нет мне ничего милее.

-- Счастлив Филипп, что он нашел себе такую прелестную подругу!

-- Нет, барин, нет! (и при сем слове огненный румянец вспыхнул на лице милой невинности). Он берет меня за себя не за пригожество лица, не за богатство приданого, но за доброе имя, которое нажила я по милости и старанию моего батюшки.

-- Как называют тебя, умная, добрая девушка?

-- Татьяна.